

МОЯ ВОЙНА

Воспоминания фронтовика, педагога, учёного

Владимир Александрович Разумный

Отечественная война, которую победоносно завершила Россия, не имеет аналогов в истории ни по одному параметру, который традиционно применяют к анализу народных бедствий не в меру размножившиеся ныне специалисты — социологи, историки, демографы, статистики, философы, политологи и пр., которых, словно ковыль на степном ветру, бросает из стороны в сторону. Для нас, фронтовиков, их споры, концепции, домыслы, а тем более — оценки абсолютно безразличны. Есть наша, большая и несомненная Правда — Победа, есть факты, от которых никому и никуда не уйти — гибель наших

8 668 000 солдат и офицеров во имя спасения Родины (против 8 649 000 солдат и офицеров противника), физическое истребление 20 000 000 — советских людей, варварское уничтожение почти двух третей промышленного и культурного потенциала могучей страны и его восстановление на глазах изумлённого человечества всего за три года! Вслушайтесь, герои «перестроек» и «шоковой терапии», дряхлых как общенациональная беда почти четверть века!

Победа России была могучим, неодолимым, всеокрушающим валом народной стихии, объединённым единой волей,

единым разумом, едиными чувствами. Мы, фронтовики, были лишь каплей в нём, и поэтому, наверное, не очень любим

воспоминания, в которых по неизбежности может перемешаться космическое по масштабам движение трагической и героической реальности с перипетиями индивидуальной судьбы. Да и воспоминания эти порою бывают весьма далеки от допустимой для нормального человеческого рассудка эстетической нормы. Ведь не зря до сих пор фронтовики, то есть те, кто принимал непосредственное участие в боях, видят во сне кошмары, о которых никогда не рассказывают самым близким, дорогим людям.

Но сегодня, когда, по сути дела, народ прощается с целым поколением Победителей, уходящим в небытие, в историю, его живой арьергард с изумлением смотрит на то, как стараниями наших, подчёркиваю — **прежде всего наших, доморощенных предателей** предпринимается фантасмагорическая попытка **оболгать Победу**. Здесь речь идёт не только и не столько о преуменьшении вклада России в общую победу и гипертрофированном представлении о роли наших союзников. Складывается целая, отлично продуманная, логически выстроенная система лжи, тех бытовых меццанских стереотипов, которые внедряются в сознание и чувства идущих нам на смену новых поколений граждан России. В беседах с молодыми учёными 35–45 лет я с изумлением узнал, что ни один из них не знает основных победоносных сражений Советской армии, что для них генерал Василий Чуйков — начальник Генерального штаба в годы войны, что мы потеряли в сражениях... 100 миллионов человек (а значит, немцев поставили на колени призраки!). Что же касается моих более юных и благополучных собеседников, то экспресс-опрос о нашей Победе даёт такие завихрения незрелого ума, что приводить его результаты просто непотребно — компетентный читатель может почесть их за бред умалишённого.

Мне представляется целесообразным сопоставить некоторые мои вполне частные впечатления

рядового московского ополченца, а затем — пулемётчика героической 62–8 Гвардейской Сталинградской армии генерала Василия Чуйкова с обобщёнными выводами, к которым, естественно, приходишь в зрелые годы и которые должны послужить антитезой отработанной и чётко структурированной лжи о Великой Отечественной войне. Без такого диалога просто недопустимо уходить из жизни.

Ложь первая

Мы не были подготовлены к войне, и она оказалась для нас полной неожиданностью.

До и по

В первые дни школьной учёбы в 1939 году до входа учителя в класс мы, и прежде всего мальчишки, толпились у постоянно висевшей карты Европы. С тревогой и неослабевающим интересом мы следили за сокрушительным разгромом Польши, а далее — за победоносными действиями вермахта. Одна за другой склонялись перед торжествующими железными колоннами немцев страны Европы, а затем на ко-

лени за сорок дней пала поверженная Франция, культура которой, история которой были для ребят моего класса абсолютным идеалом. Не зря некоторые из них стали впоследствии прославленными разведчиками во франкоязычных странах.

В семейном окружении почти каждого из моих одноклассников были сохранены те контакты, о которых не дано забыть — с героическим сопротивлением республиканской Испании и детьми республики, которых спасла от фашистов Россия, и прежде всего — Москва (в нашей семье нашла на время родной кров девочка из Испании — Мария Долорес Айес Имес Перес, неоднократно писавшая нам впоследствии уже из свободной Испании); с немецкими коммунистами — антифашистами, песни которых были тогда крайне популярны; с русской, не знавшей себе равной, разведкой.

СВЯЗЬ ВРЕМЁН

время поездок по Германии несказанно удивлялись, почему именно меня, отнюдь не имевшего реальных кинематографических заслуг, с особым почётом встречали в ГДР, да и в ФРГ на самом высшем уровне! Если бы они знали, что в период репрессий 1936–1938 годов именно эти, тепло приветствовавшие меня кинематографисты и государственные деятели смело выступили в защиту отца, исключённого из партии по доносу ближайших коллег по студии, утверждавших, что любимый актёр Гитлера Михаил Разумный — якобы его брат, что отец прятал на студии в Баварии (которая, конечно, ему не принадлежала, а где он лишь арендовал павильон для фильмов!) боевика — убийцу Розы Люксембург и Карла Либкнехта!

осле.

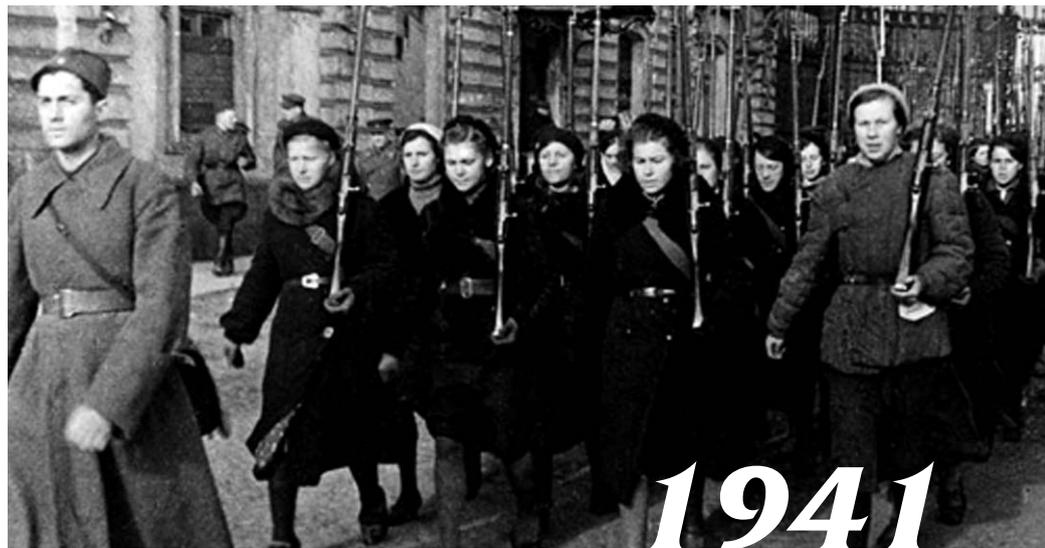

Фото: www.borodulincollection.com/war

Что касается моей семьи, то именно там чаще всего собирались видные немецкие антифашисты, ибо отец ранее работал в Германии, а в России — над фильмами по сценариям Фридриха Вольфа, который из нашего дома уехал сражаться с фашистами в Германию. В нашем доме находили тепло и уют видные деятели Германской коммунистической партии, впоследствии — лидеры ГДР. Кстати, многие мои коллеги — кинематографисты во

Но дальше развёртывалось то, что не могло не заставить задуматься даже нас, в общем-то вполне беззаботных юнцов. Из нашего класса начали исчезать ребята, которые вскоре стали курсантами различных специальных военных школ. У всех же оставшихся была усилена до предела военная подготовка, началась отработка военных тревог, освоение основ санитарного дела, навыков обращения с противо-

газами и противоипритными пакетами. И мы осознанно пели: «Если завтра война...» и были к ней **психологически подготовлены отлично!** Не зря же именно возрастные категории, к которым я принадлежу, то есть войны 1923, 1924, 1925 года рождения, составили основной костяк победоносной Советской армии в ту пору, когда отмобилизованные ранее солдаты были уже перебиты на полях первых сражений.

О неожиданности нападения фашистов на Россию. Это — грань той же лжи. Свидетельствую не как учёный-исследователь, но лишь как простой очевидец.

Вот лишь один сугубо личный пример. В мае 1941 года, на рассвете, к нам в маленькую, но всегда открытую квартиру около площади Маяковского неожиданно пришёл в полном военном обмундировании брат матери — полковник Александр Алексеевич Михайлов, командовавший подразделением тяжёлой артиллерии в одном из гарнизонов Украины. «Ну, Шура, — сказал он, переводя дыхание, — идём на твой Берлин». Мать скоропалительно закрыла все двери и окна и, удалив мужчин в отдалённую комнату, начала хлопотать по хозяйству, ибо дядя должен был срочно возвращаться к эшелону с боевой техникой на Белорусский вокзал.

Через некоторое время, когда все они пошли прогуляться по Тверской (полагаю, чтобы поговорить без меня, наедине), с непозволительным любопытством, начал рассматривать офицерскую планшетку дяди. Не знаю, но я тогда абсолютно не удивился, увидев в ней карту на немецком и русском языке, карту приграничных с Белоруссией районов Германии! Не удивился я и позже, услышав, что дядя обещал, прощаясь, позвонить отцу из Берлина в 1942 году!

Да, всё вышло по-иному! Да, безусловно Гитлер переиграл Сталина! Но тогда этого не ведал никто из тех, кто готовился к воинской судьбе. В том числе и мой дядя, уже через несколько недель погибший под Брес-

том, по свидетельству маршала С.С. Бирюзова, единолично отстреливаясь от атакующих немцев из тяжёлого орудия.

Убеждён — мы были подготовлены к войне. В должной ли мере — для меня вопрос абсолютно праздный, лукавый. А не пора ли нам от сослагательных завываний псевдостратегов, которые всегда умудряются видеть бой со стороны, приглядеться к современной стратегической ситуации, к нашей боеготовности в тех условиях, когда многие бредовые задумки Гитлера в отношении России практически реализованы, когда армия влачит жалкое существование, когда едва ли миллионы рядовых граждан, то есть цвет нации, встанут на защиту интересов ограбивших народ нуворишей.

Ложь вторая

Сталинские прислужники под угрозой оружия сгоняли мирных граждан в военкоматы; в Сибири заключённых в зонах одевали в чёрные телогрейки и без всякой подготовки гнали в эшелонах на фронт под Москву; в тылу работали продотряды, отнимавшие у мирных жителей последнее продовольствие, обрекая их на голод и вымирание.

Война застала меня на рассвете 22 июня 1941 года в уютной Балаклавской бухте, где мне довелось в ту пору отдыхать с удивительно тонким графиком из Студии военных художников имени Грекова — Владимиром Минаевым. Как ни странно, на рейде не было кораблей, ни больших, ни малых, не было и привычных гирлянд разноцветных огней. Неожиданно горизонт озарился каким-то дьявольским всполохом, а ближе, у набережных Севастополя, начались с нудным однообразным ритмом рваться бомбы. Мой друг, как профессиональный военный, не оставил мне ни секунды на праздные вопросы, сбросил в мешок все наши нехитрые пожитки, собрал портативный

мольберт и резко потянул меня вверх, на шоссе. Помнится, что он не успел даже выговорить злое слово — «война», да и так всё было понятно и нам, и тысячам людей, устремившихся в Симферополь.

Москва встретила нас в первые дни июля непривычно строгим, деловым обликом сражающегося города. Кстати, и столь же непривычной чистотой. Дома царила совершенно алогичная суета, ибо как раз в этот период съёмочная группа моего

Александр Разумный

отца, **кинорежиссёра Александра Разумного**, постепенно собиралась в Уфу на съёмки фильма «Бой под Соколом» по сценарию Сергея Михалкова. В небольших комнатах на полу были разбросаны аппараты, коробки с плёнкой, штативы, личные вещи актёров и членов группы. Мой конфликт со всем

этим организованным хаосом возник лишь при желании немедленно позвонить друзьям по школе. На удивление ответ на мои расспросы был один и тот же — «он в ополчении», «он — на фронте» и так далее. Заметался — не оставаться же мне здесь, в этой кинематографической тыловой сумятице, одному!

С согласия матери побежал в районный военкомат, где выстроилась многолюдной змейкой очередь добровольцев. Поражало, как много в ней было «стариков», то есть людей тридцати — тридцати пяти лет. Мне едва перевалило за 16 и за спиной был только девятый класс. Как говорится, от ворот — поворот... «Топаи, парень, в райком комсомола. Там твоё место». Здесь, в молодёжной толчее, всё оказалось проще, да и знакомые объявились, рассказали о речи И.В. Сталина 3 июля, об обращении ЦК ВЛКСМ к молодёжи Москвы и центральных областей России. Ещё немного — и в моих руках обрывок бумаги с предписанием явиться через день в 7.00 на Белорусский вокзал в распоряжение представителя НКВД. Так начался мой многолетний марш в войну, сложный, порою — драматический. Но никогда на этом пути ни

у меня, ни у миллионов мне подобных за спиной не было иной силы, кроме соборного чувства Родины и непреходящего ощущения смертельной опасности, нависшей над ней. И никому не представить нас как подобие одного штрафбата.

В тот период, когда профессиональные войска вели героические бои в треугольнике Ельня — Ярцево — Дрогобуж, я неожиданно оказался под вздыбившимся от снаряда небольшим кирпичным строением. Сколько пролежал в пыльном кирпичном завале — не помню, но на волю меня вытащили те самые сибиряки в чёрных телогрейках, а точнее — прекрасно экипированные ребята, кадровые солдаты из сибирских гарнизонов, давшие немцам один из первых предметных и поучительных уроков русского мужества.

Фото Евгения Халдея. День первый

ПОЭЗИЯ ВОЙНЫ, ПОЭЗИЯ ПОБЕДЫ

Это самое пронзительное, самое щмяющее повествование о Великой Отечественной. Голос поэтов военной поры звучал мощно, набатно, мобилизующее. И в то же время лирично, в высшей степени сердечно: в полной мере поэты передали нам тоску по мирной счастливой жизни, унесённой огненным смерчем битвы с фашизмом...

Предлагаем вашему вниманию маленькую страницу из великой эпопеи — Поэзии военной поры.

Подборку стихов подготовила ветеран педагогического труда Александра Ивановна Зимарева.

Вадим Шефнер

22 ИЮНЯ

**Не танцуйте сегодня, не пойте.
В предвечерний задумчивый час
Молчаливо у окон постоите,
Вспомните погибших за вас.**

**Там, в толпе, среди любимых, влюблённых,
Среди весёлых и крепких ребят,
Чьи-то тени в пилотках зелёных
На окраины молча спешат.**

**Им нельзя задержаться, остаться —
Их берёт этот день навсегда,
На путях сортировочных станций
Им разлуку трубят поезда.**

**Окликать их и звать их — напрасно,
Не промолвят ни слова в ответ,
Но с улыбкою грустной и ясной
Поглядите им пристально вслед.**

1961

Что же касается ополченцев, костяк которых составила русская интеллигенция — инженеры и техники, высококвалифицированные рабочие лучших промышленных предприятий, студенты и профессорско-преподавательский состав прославленных высших учебных заведений, то они отнюдь не все превратились в прах под натиском неизмеримо более подготовленных в военном отношении немцев. Полистайте хотя бы энциклопедические издания об Отечественной войне, и вы без особого труда поймёте, сколько прославленных дивизий, штурмовавших Кёнигсберг и Берлин, выросло из народного ополчения. Вы узнаете, что именно коммунисты, рабочие-оружейники города-героя Тулы встали по призыву лидера — секретаря партийной организации Медведева на шоссе, ведущем на Москву, по которому в панике «драпали» кадровые части под натиском знаменитой танковой армии Гудериана. Они самовольно остановили полк тяжёлой зенитной артиллерии, выдвинули его на боевые позиции в свои ряды — и сокрушили вроде бы неодолимый каток немецких танков. А разве не ополченцы, оказавшиеся в окружении, вместе с чекистами развернули партизанскую войну, о масштабах которой предпочитают умалчивать наши иуды-борзописцы! Разве не они вызвали к жизни невиданное по масштабам партизанское всенародное сопротивление фашистам в Белоруссии и сковали десятки фашистских дивизий, равнявшихся на Москву!

О продотрядах. На мой взгляд, это весьма зловещая, гнусная байка, призванная деформировать общественное сознание. Да, всем нам известно горе Ленинграда и благоглупость, которая сразу же привела к утрате знаменитых Бадаевских складов, а в итоге — к тотальному голоду героического города. Да, мы вынуждены были сразу же ввести жёсткую карточную систему (что, кстати, немедленно сделали и наши союзники по антигитлеровской коалиции, отменившие её значительно позже СССР). Но должен сказать как рядовой ополченец, а затем — армейский офицер, что армия всегда и во всех

условиях обслуживалась пропитанием и вообще материальным довольствием.

Вспоминаю, как в конце лета 1941 года мы шли в ускоренном темпе по тридцать-сорок километров в день по Минскому шоссе, точнее — по его заросшим кустарником обочинам от Ельни в сторону Вязьмы, повинувшись какому-то приказу. Мы — эта не бежавшая в панике войска из дурно пахнущих фильмов (они стояли насмерть далеко на Западе по Минскому шоссе), а школьники старших классов, которых Генеральный штаб решил вывести в глубокий тыл, ибо все они были резервом призыва 1942 года, основным костяком будущего офицерского корпуса. У каждого из нас в кармане был документ, без которого в Москву попасть было практически невозможно. Вот моя личная справка из Шестого строительного управления НКВД: «Дана на-стоящая Разумный В.А. в том, что он работал на особом строительстве с 3 июля 1941 года по 21 сентября 1941 года и освобождён от работы на стр-ве и направляется к постоянному месту жительства и работы г. Москва по окончании спецзадания. Нач-к Кадров 6-го Госстройуправления НКВД СССР Б. Орлов».

Вам, мой читатель, наверное, сейчас, в ухоженной квартире, где всегда найдётся что-либо съестное, трудно даже вообразить, как мы, совсем ещё юные ребята, хотели тогда есть и регулярно поглядывали на Запад. Конечно же, не случайно и отнюдь не из-за страха, но с завидной регулярностью оттуда через каждые шесть часов появлялись какие-то фуры с лихими ребятами, дававшие нам на троих по невообразимо вкусно пахнувшей буханке чёрного хлеба и мясные кубики фабрики им. А. Микояна!

Мы шли и шли дальше в полном молчании, без лихих песен, и столь же систематически у населённых, ещё уцелевших, сёл и деревень нас встречали женщины, одаривая всех варёной картошкой и луком. Клянусь всем святым для меня — подобной картошки я никогда более в жизни не ел, как не видел и таких женских глаз. Пожалуй, только великий поэт и боец Константин Симонов выразил обуревавшие нас тогда чувства в знаменитом стихотворном послании Алексею Суркову — «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...».

Константин Симонов

АТАКА

Когда ты по свистку, по знаку,
Встав на растоптанном снегу,
Готов был броситься в атаку,
Винтовку вскинув на бегу,

Какой уютной показалась
Тебе холодная земля.
Как всё на ней запомнилось:
Примерзший стебель ковыля,

Едва заметные пригорки,
Разрывов дымные следы,
Щепоть рассыпанной махорки
И льдинки пролитой воды.

Казалось, чтобы оторваться,
Рук мало — надо два крыла.
Казалось, если лечь, остаться —
Земля бы крепостью была.

Пусть снег метёт, пусть ветер гонит,
Пускай лежать здесь много дней.
Земля. На ней никто не тронет.
Лишь крепче прижимайся к ней.

Ты этим мыслям жадно верил
Секунду с четвертью, пока
Ты сам длину им не отмерил
Длиною ротного свистка.

Когда осекся звук короткий,
Ты в тот неуловимый миг
Уже тяжёлою походкой
Бежал по снегу напрямик.

Осталась только сила ветра,
И грузный шаг по целине,
И те последних тридцать метров,
Где жизнь со смертью наравне!

1942

Леонид Мартынов

НАРОД-ПОБЕДИТЕЛЬ

Возвращались солдаты с войны.
По железным дорогам страны
День и ночь поезда их везли.
Гимнастёрки их были в пыли
И от пота ещё солонны
В эти дни бесконечной весны.

Возвращались солдаты с войны.
И прошли по Москве, точно сны, —
Были жарки они и хмельны,
Были парки цветами полны.
В зоопарке трубили слоны, —
Возвращались солдаты с войны!

Возвращались домой старики
И совсем молодые отцы —
Москвичи, ленинградцы, донцы...
Возвращались сибиряки!

Возвращались сибиряки —
И охотники, и рыбаки,
И водители сложных машин,
И властители мирных долин, —
Возвращался народ-исполин...

Возвращался?
Нет!
Шёл он вперёд,
Шёл вперёд
Победитель-народ!

1945

Первое Туркестанское пулемётное училище Красной армии я окончил в течение восьми месяцев 1942–1943 годов. Попал туда, как и большинство курсантов, вопреки всем личным ожиданиям, ибо ещё на вокзале в Сталинабаде с гордостью шуршал направлением в танковую часть; другие же призывники многократно вглядывались не без естественного куража в повестки, предписывавшие явиться либо в авиационные войска, либо на флот. Настроение у всех было почти праздничное. Не случайно, наверное, я выступил весьма патетично на площади перед вагонами, о чём тогда в № 199 (3808) от 25 августа 1942 года писала газета «Коммунист Таджикистана»: «Проникновенную речь произнёс призывник Разумный. Его сильная, вдохновенная речь встречается горячим одобрением призывников.

Советская родина дала нам счастливую юность, говорит Разумный. — Мы не знали горя и нужды. Нам было уготовано ещё более прекрасное будущее.... Кровавый людоед Гитлер хочет нас сделать рабами. Не быть этому никогда! Мы пойдём на смертный бой и отстоим свою родину, свою честь, свою молодость!»

В училище всегда кормили прямо-таки на убой, пусть несколько однообразно и сытно (вкуснейший и предельно жирный борщ, не менее жирный и ещё более ароматный плов и, конечно же, компот из сухофруктов). Тем же, кому по конституции не хватало, охотно шли вне очереди дежурить на кухню. Были ли психологические отклонения от нормы? Конечно. Помню, как один из моих солдат, когда я стал командиром учебного взвода, умудрился на кухне тайком съесть ведро плова, что едва не привело к трагическим последствиям и для него, и для меня, его начальника. Не забыть и того, что на любом марше нас окружали женщины — туркменки или таджички, одаряя всевозможными восточными лакомствами — вяленой дыней, курагой и даже целыми арбузами и дынями, нарушавшими ладный солдатский строй. Прибавьте и то, что все мы регулярно получали посылки из дома, от матерей, которые тут же съедали совместно, а отнюдь не ночью, тайком и под одеялом. «Пододаяльников» везде и повсюду ребята били нещадно!

Другие, уже чисто фронтовые, воспоминания о боях на Изюм-Барвенковском направлении на Украине жарким летом 1943 года. Иной быт, иной фронтовой опыт. Окопы, разросшиеся в период краткой

передышки перед очередным наступлением, превратились в обустроенные поселения с туалетами и даже душем. Вспоминая их, до сих пор поражаюсь, на что способен русский умелец, как он умеет адаптироваться к меняющимся условиям жизни. Но любая передышка далека от идиллической тишины, ибо немцы систематически шпартят по тебе минами, строчат пристрелянные пулемёты, а порою и перерывают всю землю тяжёлые фугасы. Но что бы ни было, в определённое командованием время в тылу появляется знакомая фура и тележка с походной кухней, которые мы прикрываем ответным ожесточённым огнём. Ещё немного — и у всех в руках котелки и крышки с супом и кашей, а главное — невесть откуда появившиеся выщербленные стаканы. До сих пор недоумеваю, где они хранились у нас в период непрерывных атак, перед которыми бросаешь всё! Но без них нельзя, никак нельзя, ибо в них старшина разливает заветные фронтовые сто грамм!

После затяжного боя с уже отступавшими по всему фронту на Кировоград фашистами наталкивались на оставленные в лесах немецкие арьергардные засады; меня, замешкавшегося с пулемётом в лесном зыбучем песке, подстрелил невесть откуда выскочивший немец, голову которому мой напарник, бывший донецкий шахтёр, сразу же махом снёс сапёрной лопаткой. Как сейчас помню, два бойца, из тех тридцатилетних «стариков», которых старался не сразу пускать в бой, Кавыршин и Никитин, меня, истекающего кровью, с перебитой напрочь рукой, с вырванными из мяса удивительно белыми костями, повели в полевую госпиталь. Рассказ об этом пути, равно как и впечатления от огромного, раскинувшегося прямо на кукурузном поле огромного госпиталя какой-то танковой части, — не для слабонервных. Особенно о том, как мои солдаты едва не вступили в перестрелку с усталым беспредельно хирургом, распорядившимся немедленно ампутировать мне руку.

Но далее началось нечто, показавшееся сказкой. Меня, перебинтованного и загипсованного, засыпанного коричневым стрептоцидом, поместили в купейный вагон поезда, где без всякой светомаскировки горели лампочки, на белоснежную, до хруста открахмаленную простыню. Мимо мелькали какие-то

Н. Доризо

МОЖЕТ, ЭТО ЕДИНСТВЕННЫЙ ТВОЙ...

Ранний поезд куда-то спешит.
Самолёты летят над землёй.
А в земле твой ровесник лежит.
Он не встретился в жизни с тобой.

Он к тебе от рождения шёл,
Ты ему улыбалась во сне.
И тебя бы, конечно, нашёл,
Если б не был убит на войне.

Ты не знаешь о нём ничего,
Но торопятся годы твои,
И тебе не хватает его,
Не хватает, как первой любви.

Может, это единственный твой,
Может быть, ты мечтаешь о нём,
Может, стала давно ты вдовой,
Хоть сама и не знаешь о том.

Крепко спит неизвестный солдат.
Он свой век отслужил как герой.
Только в том пред тобой виноват,
Что не встретился в жизни с тобой.

1959

сильфиды в белых халатах, улыбчивые и разговаривавшие с нами, как с капризными мальчишками. И так — всё время, с 8 сентября до 15 октября, до прибытия в госпиталь города Боготол, в Сибири.

Ещё одно сугубо личное, частное наблюдение, связанное с общей характеристикой продовольственного обеспечения армии. Поскольку наш санитарный поезд двигался на Восток по необходимости медленно, порою уступая две колеи Транссиба мчащимся на фронт без остановок поездам с армейскими эшелонами, все мы, обжившиеся в нём и переставшие подвывать, часами созерцали все окружающее нас в окна. Вот факт, который меня поразил и до сих пор вызывает преклонение перед нашими так называемыми тыловыми службами. В ту пору перед огромным железнодорожным вокзалом Новосибирска была развёрнута столовая на досках, полагаю — не менее, чем на две-три тысячи человек. Так вот,

Напомню, что это был октябрь 1943 года, ознаменовавший начало неудержимого натиска советской армии по всем фронтам...

Конечно, в тылу «с продовольственным и вещевым довольствием» было значительно труднее, что я сразу же ощутил после увольнения в запас и возвращения в Москву. Немедленно, чтобы вдоволь накормить родителей, прозябавших на скудном пайке, продал на рынке какому-то мордашу — провозвестнику нынешней «рыночной экономики» ненужное обмундирование, часы. Но ведь тогда же, без особых приглашений, в нашей небольшой квартире собрался почти весь семиэтажный дом, дабы обмыть мой приезд. Кто был с пучком лука, кто — с мукой, а один старый профессор умудрился принести «чекушку», как мы все тогда говорили, настоящей довоенной «Перцовки». Так вместе, соборно, сооб-

Фото: www.borodulincollection.com/war

Дети войны

на наших глазах к станции подходили эшелон за эшелоном солдат, морской пехоты, которые сразу же высыпали к столам, где уже всё было накрыто, даже не без некоторого изящества. Они, естественно, сметали всё накрытое для них и немедленно, по команде «По вагонам!», исчезали.

Ща выживали войну русские люди, неборимо решившие — «Всё для фронта, всё для победы», мужественно терпевшие все лишения. Более того, умудрявшиеся собирать последние средства — и строить танки, самолёты на свой счёт, регулярно отправлять сотни тысяч посылок на фронт неведомым бойцам. И все они, дети и взрослые (а не только

фронтовики) — победители, Солдаты Победы, как бы то не пытались перекрыть историю новые реформаторы, забывшие, кто и как их вырастил, оскорбительно распределяющие и перераспределяющие льготы между стариками России, заставляющие их часами выстаивать перед розовощёкими чиновниками в очередях за какой-нибудь абсолютно ненужной справкой.

Ложь третья,

порождение и бытовое распространение которой оказывается на поверку уродливой, гипертрофированной проекцией индустрии насилия и секса, являющейся позором так называемой западной культуры — представление о русских как дикарях, от которых спасли мир западные демократии. Сегодня все могучие технические средства этой индустрии не только депозитизируют все человеческое в человеке, не только утверждают кровавый мордобой как проявление истинно мужского начала и сексуальный разгул как основу женственности. Они параллельно и настойчиво внушают миллионам и миллионам людей, что русские проявили в прошедшей мировой войне все эти качества в наиболее ужасающем виде. Вот лишь один последний, действительно вопиющий пример. На одном из каналов Би-би-си регулярно передаёт цикл передач «Войны XX века», который, несмотря на явную тенденциозность и односторонность подачи материала фронтовых операторов, содержит немало ценного, а порою и уникального хроникального материала. Но вот начались сумбурные, краткие кадры торжества советских войск в Берлине — а диктор неоднократно и нудно напоминает, что в это время русские солдаты систематически насиловали измождённых, голодных немцев.

Мне страшно хотелось поставить вместе с диктором или режиссёром передачи простой педагогический эксперимент — заставить их несколько дней перебежать под пулями среди руин, часами ползать по-пластунски, а затем наброситься в этом аду на женщину! Впрочем, едва ли я убедил бы их, ибо мыслят они стереотипами американских фильмов о пришельцах из других миров. Продемонстрировали ли мы, русские, всему миру мужскую силу, которая не снится даже

СВЯЗЬ ВРЕМЁН

самым лихим героям вестернов! Безусловно, ибо это был результат выучки, который мы получили в первые месяцы войны, когда многих ещё одолевали гуманистические иллюзии. Хотел бы спросить подвывающих в уютных ателье телевизионных и радиокорреспондентов, а что было делать нам, в массе своей: Алёшам Скворцовым в исполнении актёра В. Ивашова из классического фильма «Баллада о солдате», добрым и наивным, под натиском слепой, варварской, все уничтожающей на своём пути силы?

С моей, личной точки зрения, любая война в истории человечества по сути своей — преступна. Но раз её развязали йеху-бестиарии, тот клан, который более столетия фактически правит миром, коли сразу же встаёт вопрос о существовании твоей семьи, твоего родно-

го дома, твоей большой и малой Родины, в сторону летят любые проповеди о непротивлении злу — насилием и на повестку дня встаёт штык. Не буду ещё и ещё раз говорить о том, каков русский солдат в бою — это общеизвестно и по историческим фактам, и по классической литературе, и по фильмам. Убеждён, что равного ему — нет!

Владимир Фирсов

СОЛДАТАМ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

Солдаты переднего края,
    Как совесть,
    Приходят ко мне...
Горнисты побудку играют,
    Граница пылает в огне.
Солдаты не ведают страха
Под натиском вражьих атак,
    И русский
    В обнимку с казахом
Ложатся под вражеский танк.
    Родные хлеба догорают,
    Сгорают и очи слепят...
Солдаты переднего края
Под красными звёздами спят.
    Их дети стоят на границе
    И свет этих звёзд берегут,
    И мирно пылают зарницы,
    И реки
    Спокойно текут...
Горнисты побудку играют,
Как прежде, в назначенный час.
Солдаты переднего края,
    Мы стали
    Достойными вас.
Мы помним великие беды.
Прислушайтесь к нашим словам:
— Мы каждую новой победой
    Сегодня
    Обязаны вам. —
И в звёздные дали взлетая,
    Салют отдают корабли
Солдатам переднего края,
Погибшим во славу земли!

Но нет ему равного и по человечности, по доброте и сердечной отзывчивости.

Помню, как во время одной из обычных разведок на уровне батальона оказался вместе с могучим солдатом-сибиряком в распадке за речкой Северский Донец. И вдруг мы увидели в лунном свете фигуру худощавого немецкого офицера, который хладнокровно, как машина, расстреливал каких-то подростков, стоявших перед ним на коленях, смачно разжёвывая огромный бутерброд с колбасой. Недомысливаю факты — до сих пор от запаха этой снеди меня мутит. Недомысливаю я и других впечатлений, складывавшихся в моём воображении в образ русского солдата, тех всеобщих наших впечатлений солдат Победы, которые гениально воплотил в знаменитой скульптуре в Берлине, в Трептов-парке Е. Вучетич.

Вот — нечто сугубо личное. В тот момент, когда все мы, молодые офицеры, были «на постое» около Изюма у милых и беспредельно отзывчивых хозяек, когда обживались в белых мазанках и отсыпались на пахнувшем весной и молодостью сене, в селе появились дети, вместе с молоденькой и неповторимо-обаятельной учительницей Александрой Микулиной убежавшие через фронт от немцев. Мгновение — и наши ребята отдали детворе всё, что таилось, как говорится, в загниках, в вещевых мешках — одежду, консервы и соль, чай и сахар-рафинад. Короче говоря — весь неприкосновенный запас, который солдат должен хранить до конца, до предела, по требованиям воинской дисциплины, по уставным требованиям. Был поражён через десятилетия, когда получил письмо из Гуковского государственного музея краеведения им. Л.И. Микулина от А. Микулиной, ставшей одним из его организаторов, тёплое письмо, рассказывавшее о том, как согревала её дочурку фуфайка из верблюжьей шерсти, которую мне мать умудрилась прислать на фронт. Убеждён, каждый фронтовик с полным основанием расскажет куда больше об отзывчивости русского солдата даже в те суровые дни, когда он шагал по Германии, когда слева и справа маячили плакаты — «Вот она, проклятая Германия!», а перепуганные насмерть гетельсовской пропагандой немецкие женщины, старики и дети жалась к подвалам и по обочинам дорог. Не знаю, какой ещё народ, кроме русского, так быстро смог бы простить немцам всё, содеянное ими.

Здесь я должен, более того — обязан перед исторической правдой, во имя неё сделать небольшое отступление. Я всегда и везде, рассказывая о нашем

советском прошлом, говорю о русском народе, о русском характере, о русских традициях. И это — далеко не квасной патриотизм и не великодержавный шовинизм, в которых меня открыто или на уровне змеиного шёпота упрекали ранее теоретические оппоненты. Это — психологическая установка, выработанная с детства, с тех времён, когда никто из нас и не думал, кто из соучеников какой национальности. Недавно по фотографиям последнего, девятого, класса попытался определить это вместе с друзьями. Тщетно, ибо все мы были русскими и этим гордились. Кстати, если кто-либо при нас в силу дремучей традиции запускал «жида» или показывал татарину краем пиджака «свиное ухо», по неизбежности оказывался в травмпункте. Именно так, с интернационалистских позиций, мы все восприняли исторический июньский тост И.В. Сталина на приёме в честь участников Парада Победы — «**За великий русский народ!**».

Скажу и о той грани естественного для всех порядочных людей интернационализма, которую при рассказах о Великой Отечественной войне многие либо тенденциозно, в своих политических целях, либо чаще по неведению забывают. Нередко слышу возмущённые восклицания: «Вот, понаехали в Россию «чёрные» (таджики, азербайджанцы, армяне и т.д.). Не буду высказывать личное суждение о сложнейшей глобальной проблеме, над которой ныне бьются лучшие умы и международные организации. Напомню всем, особенно крикливым русофилам, ту историческую правду, мимо которой не может пройти ни один честный человек. В летние месяцы 1941 года русский народ совершил ещё один неповторимый, я бы сказал — фантастический подвиг: вывел от немцев в далёкий тыл, за Урал и в Среднюю Азию, почти 15 миллионов человек, по сути дела — трудовой резерв Победы. Лично свидетельствую — везде в этих регионах и союзных республиках люди сочувственно, по-братски встретили обездоленных войной людей, накормили и пригрели их, потеснившись — дали всем жильё, приютили сотни тысяч осиротевших русских детей, помогали создавать оборонный щит Родины. Как же можно, например, третировать таджика, спасающегося ныне в Петербурге вместе с детьми от шумевшего в его родных местах кровавого

Юлия Друнина

* * *

Не знаю, где я нежности училась, —
Об этом не расспрашивай меня.
Растут в степи солдатские могилы,
Идёт в шинели молодость моя.

В моих глазах — обугленные трубы.
Пожары польхают на Руси.
И снова нецелованные губы
Израненный парнишка закусил.

Нет!
Мы с тобой узнали не по сводкам
Большого отступления страду.
Опять в огонь рванулись самоходки,
Я на броню вскочила на ходу.

А вечером
над братскою могилой
С опущенной стояла головой...
Не знаю, где я нежности училась, —
Быть может, на дороге фронтовой...

Николай Старшинов

*Александрю Казакову,
пулемётчику, другу-запевале*

Друзья моих военных дней,
Где вы теперь, как вы живёте?..
Той, давней дружбы нет верней,
Рождённой в пулемётной роте.

Мне кажется, среди болот,
Среди лесов, объятых вьюгой,
Она по-прежнему живёт
Между Смоленском и Калугой.

Там, где февральский мокрый снег
Выбеливает обелиски,
Она живёт, как человек,
Понятный и донельзя близкий.

Она под орудийный гром
Сидит над гаснущим костром,
Ползёт по снегу с автоматом,
Как в том Крутом
Сорок втором,
Как в легендарном сорок пятом...

побоища, когда его родители с открытой душой приютили сотни и сотни тысяч русских!

Особое слово — о русской женщине военных лет, о тех старушках, которые в одиночестве коротают время на городских бульварах либо шагают километрами по просёлочным дорогам из опустевших деревень в центр, за продуктами. О тех старушках, которых многие наши законодатели считают чем-то подобным назойливой мухе.

Если назревает опасность для той общности, в которой она живёт, то неизбежно принимает на себя все тяготы военного времени. **Пора, давно пора всем нам поклониться русской женщине**, которая в лихолетье Великой Отечественной войны взяла на себя основные тяготы по сохранению промышленного и сельскохозяйственного потенциала страны, по переводу его на Восток и воссозданию его там, в стужу и вьюги, на пустынных землях. Более того, пора (пока мы живы) рассказать молодёжи о том, как рядом с нами, Солдатами Победы (а в боях непосредственно участвовало более пятидесяти миллионов мужчин — граждан всей некогда великой страны), сражались на равных миллионы женщин-санитарок, снайперов, партизанок, лётчиц, танкисток. Да ещё как сражались!

Вспоминаю лишь некоторые, калейдоскопически мелькающие в сознании образы из прошлого. Однажды мой комбат, красавец и женолюб, всерьёз и вполне ошибочно полагавшийся на мою коммуникабельность в общении с женским полом, приказал мне на ночь подменить солдата из соседнего подразделения женщины-снайперов, погибшего вместе с командиром в результате арналёта. Моя задача была весьма проста и вместе с тем неординарна: развести по точкам «кукушек» — наших девчат-снайперов. Только начало темнеть и стала неумолимо наползать быстрая августовская ночь, как я уже приглядывался к девчатам в камуфляжной форме. Они также осматривали меня, задорно и, как мне тогда казалось, презрительно пофыркивая. Пройдя через мой выдвинутый вперёд пулеметный расчёт, мы поползли. Неожиданно одна из девчат резко врзала мне по шее и махнула в сторону пулеметов: дескать, давай, топай, парень. Наверное, тогда я всерьёз обиделся (всё-таки я в форме, при новеньких погонах лейтенанта, а тут тебе — по шее!). Но уже через несколько часов, на молочном от тумана рассвете я в условленном месте собрал моих «кукушек» и отвёл их к батальонной кухне. Присматриваясь, как они на пальцах показывали результаты ночного дежурства, я влюблялся сразу и одновремен-

но во всех них. Клянусь, они были поразительно красивы, так что я всерьёз взревновал как собственник, когда одна из них, белокурая толстушка, исчезла в комфортабельном дзоте моего комбата.

Не забыть мне и другой эпизод из тех же августовских дней, когда мы все залегли на дно окопов, ошеломлённые длительным и поразительно точным артиллерийским налётом немцев. За брустверами, на нейтральной полосе замешкался один из моих солдат, расставлявший реперы для обстрела. Его, видимо, тяжело ранило, ибо он дико, не по-человечески завыл, а затем стал жалостливо причитать: «Братцы!!!». Никто из нас, мужиков, даже не привстал — немцы сразу бы скосили. И вдруг на бруствер окопа змейкой выползла наш санинструктор, худенькая девчушка, обложила нас трёхэтажным матом и под непрерывными всполохами разрывов поползла к раненому. Мы не успели выпрямиться и прийти в себя, как она уже, перевалившись через бруствер запасного окопа, вырытого впереди, уже втащила бойца и начала обрабатывать кровоточащие раны на животе. Так вот представь себе на минуту, мой молодой и вальяжный читатель, что на бульваре с палочкой перед тобой сейчас сидит именно эта наша санитарка. А быть может, женщина, которая в блокадном Ленинграде по шестнадцать часов не выходила из цеха и точила, полуголодная, корпуса мин. Или многострадальная русская крестьянка, которая месяцами гнала от немцев скот на Восток, а затем кормила всю страну молоком и хлебом, мясом и овощами, а в недолгие минуты досуга вязала носки для фронтовиков.

Вспомним, что мы поём: «...нам нужна одна Победа, одна на всех — мы за ценой не постоим». Не постояли! Выстояли на удивление всем бестиариям! Теперь иная национальная задача — сообща, соборно разорвать тенета лжи, опутывающие нашу Родину и нашу Победу, дабы в новом порыве и на основе нового единства рвануться вперёд. По крайней мере, не менее активно, чем коммунистический Китай! Полагаю, что здесь необходимо учитывать те стратегические направления, которые отмечены мною выше. А также всем нам, фронтовикам и труженикам тыла, до последнего вздоха рассказывать молодёжи только правду о нашей Победе. Ту Правду, которую каждый

СВЯЗЬ ВРЕМЁН

из них выстрадал и пережил. Понимая, что индивидуальный опыт крайне ограничен, убеждён — здесь нет ничего несущественного: в копилке народной мудрости всё закономерно и естественно отложиться. Вспомним, культура — это коллективная память народа!

Коротко — о небольших эпизодах военных лет, которыми горжусь и ныне, отчётливо понимая их микроскопическое значение на фоне общего подвига народа, соборного подвига. 5 сентября моя дивизия начала после ошеломившей немцев многочасовой артиллерийской подготовки стремительное наступление на Кировоград. После марш-броска её подразделения расположились по отрогам поросшей мелким перелеском уходящей к горизонту балки, и сразу же — окопались. Не ведаю, по какой причине под нами, на дне балки, пристроился склад боеприпасов, как мне кажется — мин. И надо же такому случиться — какой-то шальной снаряд угодил прямёхенько в стандартные штабеля деревянных ящиков. Никто ещё не осознал, что произошло, ибо к этому времени мы обвыкли не кланяться каждой пуле, не реагировать на любой разрыв мины либо снаряда, а ко всему относиться, как говорили солдаты, с пониманием и целесообразно. Но на беду по ящикам пополз зловещий огонёк, ещё плохо просматривавшийся на солнце. Минуту — и он полыхал уже настолько буйно, что до наших окопов на склонах стал доноситься жар. Как ни странно, по мере нарастания этого жара все обитатели окопов начали застывать в неподвижности, а затем постепенно стали сползать в укрытие. «Какое, мать вашу так, укрытие! Сейчас рванёт!» — неожиданно прокричал командир моей пулеметной роты, один из героев Сталинграда Паринд и сразу же сбежал со склона вниз, прямо в пылающее пламя. Секунда — и вслед за ним кубарем с лопаткой лечу и я, ничего не соображая и не осмысливая,

Э. Асадов

**НА ПОРОГЕ
ДВАДЦАТОЙ ВЕСНЫ**

На пороге двадцатой весны
Снятся людям хорошие сны.
Снятся грозы, и летний день,
И застенчивая сирень.

Снятся: фильм и ночная звезда,
И целинные поезда,
Пальма снится, и горный грот,
Снится лёгкий, как пух, зачёт.

Снится всё: и свиданья час,
И смешинки любимых глаз,
Снятся матчи и гул ракет,
Даже дети, которых нет.

На пороге двадцатой весны
Мне не снились такие сны.
В эту пору в тугих бинтах
Я валялся в госпиталях.

Снов не видел тогда ни я,
Ни гвардейцы — мои друзья.
Потому, что под тяжкий гром
Спали люди чугунным сном.

Далеко позади война.
Нынче мир над страной и весна...
В переулках садов аромат,
Спят ребята, девчата спят.

С неба сыплется звездопад...
Спят девчата, ребята спят...
На пороге двадцатой весны
Пусть красивые снятся сны!

кроме страшной опасности для всех. Вспыхивали голубыми фейерверками те заряды, которые прилагались к минам, потрескивали сосновые доски, обжигая закипавшей смолой, а мы всё сбрасывали и сбрасывали ящики вниз. Сбрасывали, уже ничего не чувствуя, и остановились лишь тогда, когда подоспели с кирками и лопатами сапёры, засыпавшие расплавленное полотно тлеющих у основания склада, у штабелей мин углей. Мы же добрались до ячеек в окопах и свалились, ничего не осознавая. Заговорили мы после шока лишь на следующий день, когда на бруствере ячейки появился командир дивизии генерал Василий Соколов, поблагодаривший нас и сообщивший о представлении к правительственным наградам, которых мы, кстати, не получили: мой комроты был убит через день снайпером, а меня ранили ещё через день. Между прочим, позднее, в иной домашней обстановке, мы не без юмора вспоминали вместе с прославленным генералом этот эпизод.

Другой эпизод, позволяющий мне иногда, в минуты тревожных раздумий о прожитой, подошедшей к финалу жизни, как-то осознавать свою маленькую, почти микроскопическую значимость в потоке истории, связан с предписанием, полученным мною 21 января 1944 года, в самый разгар сложнейших экзаменов по мудрейшим техническим предметам в Московском инженерно-строительном институте, который приютил меня в буквальном смысле слова после выхода на инвалидность. В нём говорилось: «К-ру запаса Разумный В.А. На основании постановления ГКО от 17 сентября 1943 года вы привлечены в качестве к-ра взвода спецподразделений для обучения граждан, подлежащих прохождению военного обучения один раз в неделю по вторникам с 8.00 до 20 часов... За опоздание и неявку будете привлечены к ответственности».

...Вспоминаю, как на плацу Первого Туркестанского училища Красной армии в Кушке выстроились курсанты, только что получившие воинские звания лейтенантов и младших лейтенантов. На небольшой импровизированной трибуне — командование училища во главе с полковником Сидоренко, боевым офицером Первой мировой войны. Тягостное, мучительное ожидание неведомого, длившееся уже не первые сутки — с полной боевой выкладкой, с неизменными «скатками» на плече, с розданным старшинами НЗ. Вдруг, когда терпение тысячных шеренг было уже на исходе, когда всех одолевал страх возвращения в старые, дореволюционные казармы и к занятиям шагистикой в испепеляющей всё и вся пустыне, раздался долгожданный приказ:

«По вагонам!». Сломав всё уставные нормы, выпускные взводы и роты училища словно по команде гаркнули «Ура-а-а!», да с такой силой, что все суслики на десятки километров окрест выскочили из нор. Уже с плаца училища ушли его командиры, но волны курсантского крика нарастали одна за одной, достигая того крещендо, которое сегодня трудно и представить. Ещё бы, все знали «тайну»: наш путь — через степи Казахстана в победоносные сталинградские армии, на их пополнение; и все почему-то были всерьёз убеждены, что новые офицерские корпуса нужны именно Г.К. Жукову, чьё имя тогда переросло в легенду бесспорной Победы.

Промелькнули пустыни и степи; незабываемая забота железнодорожников, творивших чудеса и порою потакавших самым неожиданным пожеланиям будущих воинов (скажем, окунуться на мгновение в прохладном озере); молодое, задорное счастье на постое в резерве — в Старом Осколе и Купянске среди молодых, весёлых девчат. И наконец по-бытовому неуставной приказ принимать взводы и роты. Почему-то не иду, а ползу в предрассветной тьме за моим проводником в погонах старшины, с гвардейским значком и медалью «За отвагу». «Жми дальше, — говорит он как-то буднично и устало. Твои ребята — по ходу сообщения. Фрицы — справа и сзади нас». И исчез, словно слинял в омывающем овраги около Северского Донца тумане. В голове вихрем промелькнули сотни страниц боевых уставов, ритуал отработанных на занятиях в училище правил воинских взаимоотношений, промелькнули и испарились навсегда. На смену им пришёл **воинский опыт** в лице невысокого, во весь рост вышагивающего крепьша с орденом Красной Звезды на выдавшей виды гимнастерке. Он вспрыгнул на бруствер хода сообщения, по которому я почти полз, кланяясь отвратительному свисту давным-давно пролетевших пуль, и повёл меня во тьму, навстречу по-домашнему позванивающим стаканам, ложкам, котелкам. Ещё мгновение — и я оказался среди уютно расположившихся около пулемёта солдат, так обживших расширенный окоп, что он воспринимался как добротный крестьянский дом.

«Садись к каше, взводный! — не без скрытой иронии проговорил младший лейтенант, опять-таки с боевым орденом «Отечественной войны», производившим тогда на всех необстрелянных

бойцов неизгладимое и весьма внушительное впечатление неоспоримого символа мужества. — Мухтарам тебя привёл, он и побудет с тобою завтра. А вот, смотри, и твои пулемёты. Ничего, работают». Так буднично началось моё знакомство с младшим лейтенантом Париндом, моим ротным командиром и бесстрашным сталинградским пулемётчиком, и с моим гидом и боевым другом Мухтарамом Минуллиным, умудрившимся в завалах Сталинграда выкрасть танкетку с орудием и расчётом, и партгором роты И. Петинным, и с другими опалёнными пламенем великой битвы на Волге бойцами...

Ещё до рассвета громынула почти часовая артподготовка и пехота пошла в атаку, на прорыв «неприступных» рубежей очередного «вала». Заговорили и мои пулемёты, прикрывающие наступающих, хотя в первые часы мне довелось быть только наблюдательным учеником

Фото: www.borodulincollection.com/war

Ирина Снегова

ШКОЛЬНЫЕ МОИ ТОВАРИЩИ

Вы зарыты, смяты, скошены,
Не найти вас, мир обшаривши,
Мальчики мои хорошие,
Школьные мои товарищи.
Вы в лугах в соцветья вяжетесь,
В синь лесами рвётесь рослыми...
Вы мне маленькими кажетесь,
А тогда казались взрослыми.
Вас не давит время ношею,
Нас от утра к утру старящей,
Мальчики мои хорошие,
Школьные мои товарищи.
Снег лежал на лбах остуженных,
В пустоте разрывы ухали...
Сколько здесь их, ваших суженых,
Увядают вековухами!
И твердит, гордясь живучестью,
Хлыщ, не нюхавший Германии:
— Мало нас, одна соскучишься.
Ты цени моё внимание!.. —
Чья любовь, в несчастье брошена,
Вас звала сквозь стыд свой шпарящий,
Мальчики мои хорошие,
Школьные мои товарищи?..
Как принцесса в сказке маминой,
Дочь её идёт за песнями.
Не обидь! Стеною каменной
За неё они — ровесники.
Как за нас в том адском крошеве,
Во всесветном том пожарище,
Мальчики мои хорошие,
Школьные мои товарищи.

1961

и подносчиком ящиков с патронами. Учеником, которому сталинградцы щедро передавали то, что не давало, да и не могло дать ни одни преотличное училище — боевой опыт.

Усвоив этот урок, я с бойцами спецподразделений в Москве, в военкомате, стремился разговаривать по-фронтовому, понимая, что ждёт их впереди и в ближайшем будущем. Занятия начал увлечённо, в спорах с теми престарелыми работниками райвоенкомата, которые в мышлении оставались на уровне идей Гражданской войны и предпочитали ежедневную шагистику с вытянутым носком. Вместе с ребятами 1926 и 1927 года рождения проделывал на пустыре странные для начальства вещи: разбирал затворы вслепую, отрабатывал некогда освоенную мною методику рукопашного боя в окопах и на городских развалинах, обучал их использованию всевозможного рода мин в пехотном бою, всегда чутко реагировать на то, что происходит за спиной, как использовать свежие воронки от снарядов, что делать, когда над тобой «зашуршала» мина... Конечно, помогали и те первые педагогические навыки, которые приобрёл как командир учебного взвода в Первом Туркестанском пулемётном училище Красной армии.

Приятно было прочитать в «Вечерней Москве» в заметке «Фотогазета на учебном пункте»: «Большой лист ватманской бумаги красочно оформлен. На нём аккуратно размещены 11 фотографий. Группа бойцов тренируется в правильной изготовке к рукопашному бою. Бойцы отрывают ячейки для стрельбы, взвод на марше, метание гранаты — словом, весь учебный день подразделения, которым командует тов. Разумный (Советский район столицы), отображён в номере фотогазеты. На инструктивных занятиях командиров пункта не раз ставилась в пример работа тов. Разумного».

И всё же не погрешу против истины, если скажу, что в итоге высшей наградой для меня явилась беседа во время щедрого застолья в семидесятые годы в Центральном доме Советской армии, во время которой ко мне подошёл плотный, как гриб-боровик, подполковник и обнял, сказав, что я был некогда первым учителем в военкомате, что, быть может, усвоенные им в ту пору навыки спасли ему жизнь...

И третий пласт воспоминаний — уже чисто послевоенный. Недавно группа бойких и талантливых слушательниц моей Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма, специализирую-

щихся на постановке военно-патриотических праздников, попросила меня рассказать некоторые фронтовые эпизоды. Без прикрас, без налёта литературщины, видимо, втайне полагая, что я всегда занимался основной профессией — эстетикой и повествование моё останется в рамках художественной образности. Рискнул и был поражён, как неожиданно одной из них в моей комнате стало плохо... А ведь в моём повествовании не было ничего ужасного, только описание реального результата налёта «Юнкерсов» на нашу колонну после появления надоедливой «рамы» (немецкого самолёта — корректировщика), фактографически достоверное описание того, как навстречу вновь выстроившейся колонне шёл крепкий, белокурый парень, в руках которого были бело-синие внутренности и который монотонно спрашивал, где госпиталь, а мы все шли и шли вперёд. Шли по полям былых сражений, где ранее, в 1942 годы, полегли десятки наших дивизий, оказавшихся в харьковском котле, и где в подтаявшем снегу чернели сотни и сотни трупов наших воинов, изуродованных, раздавленных танками, да так, что порою от лиц остались какие-то чудовищные маски из театра абсурда.

Понял — не зря, наверное, упорно молчат все фронтовики, не похваляются своими ратными подвигами, ибо война по природе, по её фактическим бытовым проявлениям, отвратительна и в этом смысле — антигуманна. Перевёл рассказ в иную плоскость — **на искупление...**

Поняли меня и жена, и дети, когда во время трагических событий в Баку наши лётчики вывозили в Москву сотнями полуодетых, без средств жён и детей русских военных и вообще служащих, спасая их от озверевшей в неосознанной ярости толпы, и когда по журналистской оплошности на всех аэровокзалах было размещено сообщение о том, что в моей квартире организован пункт приёма беженцев. Два с лишним месяца дома мы принимали для них посылки от москвичей всех возрастов и профессий, одевали и обували, распределяли днём и ночью по военным пансионатам и домам отдыха. Кстати, здесь я ещё раз убедился в величии и добросердечности русских людей, для которых чужой беды не существует и которые вопреки всем трагическим урокам не меняют, да и не могут изменить своей гуманистической сущности, своей добросердечности.

Не забудем — **иная, вполне реальная и не менее масштабная битва за Россию, за её сохранение, за её вековые ценности и исторические перспективы уже развернулась.** Верую, что новая генерация русских людей пойдёт не по пути психологических иллюзий, а по дороге Солдат Победы, по дороге нового торжества великой страны и великого народа наперекор всем пигмеям духа. **НО**

